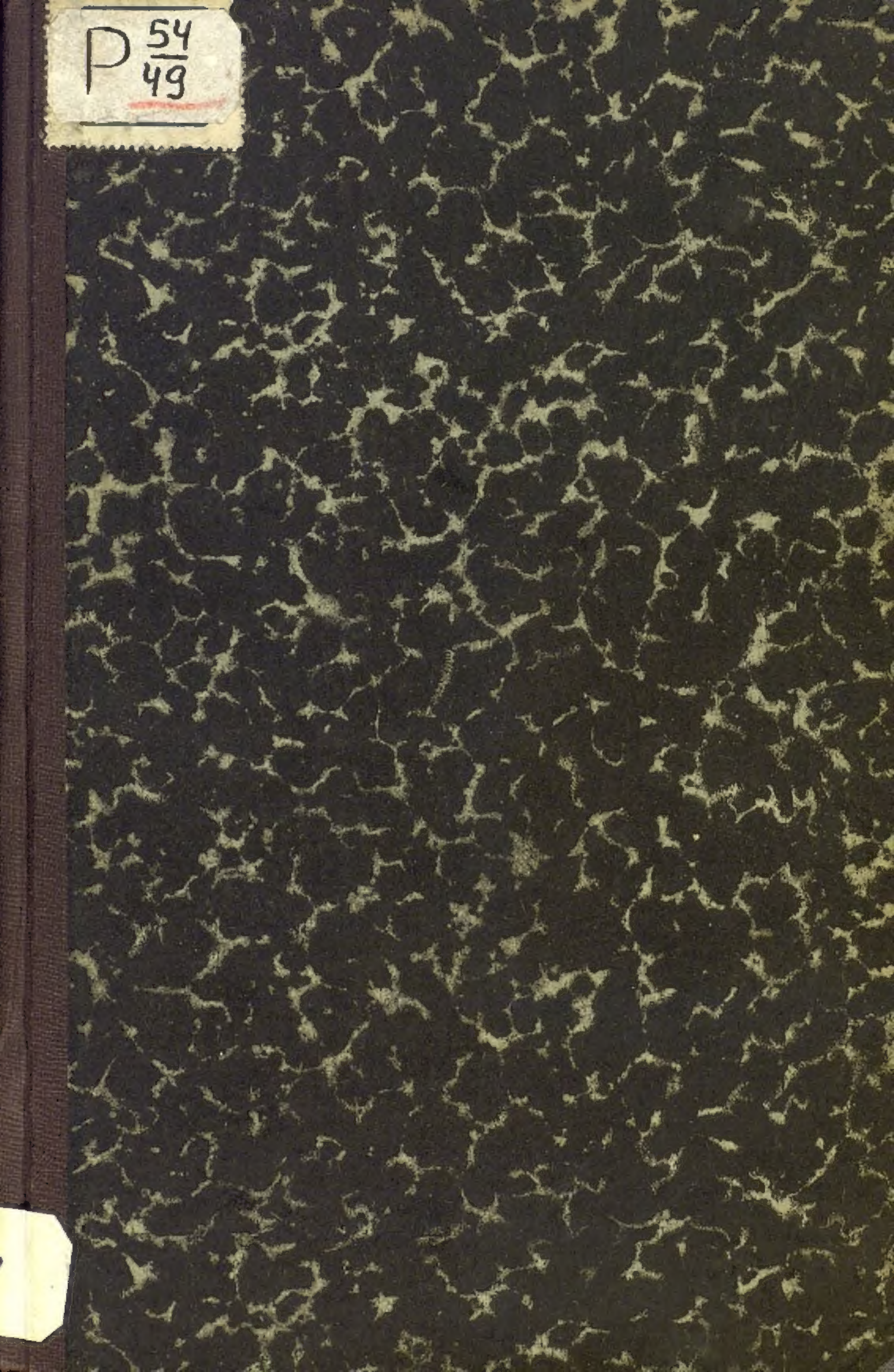

P 54/49

О ЗНАЧЕНІИ И СОБИРАНІИ

ДРЕВНИХЪ

РУССКИХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ СИМВОЛОВЪ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

И. ДАНИЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1880.

2007081213

О значеніи и собираніи древнихъ русскихъ юридическихъ символовъ.

> Doppelt würde der Gewinn sein, wenn es gelänge... nicht bloss die Aufmerksamkeit der Juristen, sondern auch anderer Alterthumsforscher zu gewinnen, die ihre Bemühungen der Sprache, der Poesie und der Geschichte unserer Vorfahren zugewendet haben. Den Versuch einer *ersten* Arbeit in diesem Sinn, von der man wohl sagen kann, dass sie mehr Öl, als Salz enthält, liefere ich hiermit (Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. 1828. Vorrede, VII).

Наука объ отечественныхъ древностяхъ находится еще въ самомъ началѣ своего развитія. Русское общество пока довольно безучастно и неопредѣленно смотритъ на эту отрасль знаній, не смотря на множество въ высшей степени привлекательныхъ въ ней сторонъ, не смотря на обильную жатву, ожидающую ревностнаго воздѣлывателя этой вѣковой нови, не смотря, наконецъ, на то, что занятія русской археологіей укрѣпляютъ высокое чувство любви къ родинѣ. Дѣйствительно, археологическія изслѣдованія древняго быта нашего отечества, исканіе въ «преданьяхъ старины глубокой» самобытныхъ, своеобразныхъ чертъ народной русской жизни, невольно заставляютъ вглядѣться въ эту жизнь и полюбить еще сильнѣе, иногда бѣдное по содержанію, но свое собственное, родное. Въ то время, какъ на Западѣ археологія, какъ наука, стоитъ во многихъ отношеніяхъ на достодолжной высотѣ, мы встрѣчаемъ у насъ въ Россіи едва лишь начинающіяся, отрывочныя занятія по этому предмету. Какое множество сокровищъ древности вмѣщаютъ

въ себѣ наши многочисленные, столичные и провинціальные, музеи по отношенію къ нашему отечеству, по всѣмъ отраслямъ археологіи: церковнымъ древностямъ, нумизматикѣ, архитектурѣ; сколько свитковъ, касающихся юридическаго быта древней Руси, лежатъ не прочитанными въ нашихъ архивахъ; наконецъ, какое огромное число различныхъ древнихъ кургановъ и вообще насыпей разсѣяно по лицу нашего обширнаго отечества, которыя служатъ видимыми свидѣтелями нашего равнодушія къ изысканіямъ этого рода! Понятно поэтому съ какою искреннею радостію всякій истинно-русскій человѣкъ долженъ былъ встрѣтить извѣстіе объ учрежденіи и у насъ Археологическаго Института, и съ какою готовностію любители древностей дѣйствительно откликнулись на принятіе участія въ трудахъ его учредителя.

Однимъ изъ любопытныхъ, совершенно почти нетронутыхъ отдѣловъ русской археологіи можетъ назваться наука *о юридическихъ древностяхъ*, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ исторіею древняго русскаго права. Самое слово «древности» указываетъ на жизнь болѣе обширную, чѣмъ та, на которой останавливается исторія права. Къ праву относится только то, что запечатлѣно сознательнымъ признаніемъ народа, какъ необходимое условіе извѣстнаго дѣйствія или поступка. Такъ, я передаю собственность другому и для доказательства моего сознательнаго поступка подтверждаю эту передачу актомъ, свидѣтелями. Но въ жизни есть много такихъ явленій, которыя поясняютъ взглядъ народа, его понятія, — словомъ сказать выражаютъ его требованія, мысли, безъ всякихъ признаковъ внѣшней обязательности. Напримѣръ, въ свадебныхъ обрядахъ, играхъ, въ обычаяхъ, нѣтъ строгаго требованія исполнять то или другое, и нѣтъ угрозы со стороны закона, что виновные въ неисполненіи обычая будутъ наказаны. Съ этими то разными пріемами жизни обыденной насъ знакомятъ юридическія древности. Трудно разграничить то, что входитъ въ исторію права и что въ древности, но, навѣрное, историкъ-юристъ не внесетъ въ исторію права многаго, что признаетъ необходимымъ внести изслѣдователь юридическихъ древностей (1). Историкъ-юристъ ищетъ въ старомъ корней новаго; старое служитъ для него только средствомъ для раскрытія постепеннаго поступательнаго движенія юридическихъ понятій. Для юриста же археолога старое само по себѣ составляетъ *цѣль;* объемъ и система предмета даются ему самыми остатками древняго юридическаго быта. Новая жизнь

---

(1) Лекціи Н. В. Калачова, читанныя въ Археологическомъ Институтѣ въ 187$^{7}/_{8}$ академическомъ году.

является для изслѣдователя юридическихъ древностей лишь пособіемъ для восполненія того, что не сохранилось въ древнихъ памятникахъ, но что не вымерло еще въ народномъ обиходѣ. Въ старину отвлеченныя понятія облекались въ живые, конкретные образы; въ новѣйшее же время они все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ вещественнаго воплощенія. Отсюда понятно, какое значеніе имѣетъ для познанія древняго права — собираніе и разъясненіе тѣхъ чувственныхъ элементовъ, въ которыхъ древній человѣкъ выражалъ свои юридическія понятія и отношенія. Двойная была бы, говоритъ Гриммъ, выгода если бъ удалось привлечь къ этому дѣлу не однихъ только юристовъ, но и другихъ изслѣдователей старины, посвятившихъ себя изученію языка, поэзіи и исторіи нашихъ предковъ.

Первая и почти единственная попытка въ этомъ родѣ принадлежитъ знаменитому нѣмецкому лингвисту Якобу Гримму (1), слова котораго мы привели выше. Въ 1828 году, въ Геттингенѣ, вышло его обширное сочиненіе «Deutsche Rechtsalterthümer». Оно состоитъ изъ одного объемистаго тома въ 970 страницъ убористой печати, снабжено указателями и виньеткой на заглавномъ листѣ, очевидно съ весьма древняго рисунка. Рисунокъ этотъ изображаетъ судъ: предъ королемъ, сидящемъ на креслѣ, въ вѣнцѣ древнѣйшей формы и со скипетромъ, стоитъ подсудимый со связанными руками; сзади его — три лица: двое мужчинъ и женщина, указывающая пальцемъ на обвиняемаго; король держится за бороду, повидимому что-то думая; за кресломъ его стоитъ молодой человѣкъ со свиткомъ въ рукахъ. Книга Гримма начинается, по обыкновенію, съ предисловія (Vorrede), въ которомъ разъясняется цѣль изданія и между прочимъ говорится, что слово «*нѣмецкія* юридическія древности» авторъ понимаетъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, включая сюда древности готскія, англо-сакскія и другихъ племенъ. Затѣмъ слѣдуетъ *введеніе* (Einleitung), которое собственно и имѣетъ предметомъ своимъ юридическія древности. Введеніе раздѣлено на пять обширныхъ главъ (всего 225 страницъ): 1) формы; 2) формулы; 3) мѣры; 4) символы, и 5) числа. Въ первой главѣ Гриммъ говоритъ о древней терминологіи, аллитераціи, тавтологіи; во второй приводятся стихотворныя и прозаи-

(1) Якобъ Людвигъ Карлъ Гриммъ род. въ 1785 г. въ Ганау; былъ профессоромъ въ Геттингенѣ, потомъ въ Берлинѣ. Кромѣ приводимаго здѣсь сочиненія, новую эпоху въ наукѣ составили его же: Deutsche Grammatik (1819), Deutsche Mythologie (2 изд. 1842 — 1844) и Geschichte der deutschen Sprache. Весьма важно начатое имъ вмѣстѣ съ братомъ изданіе «Нѣмецкаго Словаря» (1852 — 62), Kinder und Hausmärchen и собраніе «Weisthümer» (1840 — 42).

ческія формулы, пословицы, имѣющія юридическое значеніе; въ третьей главѣ Гриммъ разсматриваетъ подробно различные способы опредѣленія протяженія, времени и т. п. Въ четвертой главѣ введенія онъ излагаетъ употреблявшіеся въ древнемъ германскомъ быту символы, и наконецъ — въ послѣдней — числа, имѣвшія особенное юридическое значеніе. Сюда Гриммъ относитъ цифры: 3, 4 — 11, 14, 21, 24, 27, 30, 40, 60 и 72.

Долгое время колоссальный трудъ Гримма оставался безъ подражателей. Едва черезъ десять лѣтъ плодовитый французскій ученый, профессоръ исторіи и затѣмъ начальникъ королевскихъ архивовъ Мишле (Michelet) сдѣлалъ опытъ въ этомъ родѣ по отношенію къ французскимъ юридическимъ древностямъ. Въ сочиненіи своемъ: «Origines du droit français, cherchées dans les symboles et formules du droit universel», изданномъ въ Парижѣ въ 1837 г., Мишле воспользовался матеріалами, собранными трудолюбіемъ Гримма, дополнилъ ихъ нѣкоторыми символами французскаго права и озарилъ всю эту массу фактовъ философскимъ воззрѣніемъ въ введеніи къ своему сочиненію. Указывая на твореніе Гримма, Мишле говоритъ, что «отнынѣ стала возможною наука: символика права».

У насъ, въ Россіи, по этому предмету почти ничего не сдѣлано. За исключеніемъ совершенно устарѣвшаго сочиненія профессора Харьковскаго университета Г. П. Успенскаго «Опытъ о древностяхъ россійскихъ» (въ 2-хъ частяхъ, 1811 — 1812 г.), въ нашей литературѣ имѣется брошюра профессора С.-Петербургскаго университета П. Калмыкова подъ заглавіемъ «О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности», рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 31 марта 1839 г. Въ этой рѣчи, изложенной, какъ и подобаетъ, довольно витіеватымъ слогомъ, Калмыковъ, восхваляя труды Гримма и Мишле, указываетъ, главнымъ образомъ, лишь на важность подобнаго труда и на тѣ пріемы, путемъ которыхъ надлежитъ изслѣдовать русскія юридическія древности. Русскимъ ученымъ, говоритъ онъ, предстоитъ подвигъ открыть въ исторіи отечественнаго и иныхъ славянскихъ правъ этотъ общій законъ человѣчества — символизмъ юридическій. Гриммъ въ своемъ сборникѣ помѣстилъ только немногіе, дошедшіе до его свѣдѣнія, символы славянскіе. Восполнить этотъ значительный недостатокъ въ наукѣ всеобщаго законовѣдѣнія — вотъ задача, которой рѣшеніе должно увѣнчать труды нашихъ ученыхъ ([1]). Въ другомъ мѣстѣ Калмыковъ пояс-

---

([1]) Калмыковъ, О символизмѣ, стр. 17.

няетъ, что прилежное, основательное и критическое изслѣдованіе всѣхъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ права и исторіи отечества, также нравовъ, обычаевъ, пословицъ, и поговорокъ народныхъ, безъ сомнѣнія сохранившихъ многія преданія древности, и наконецъ сравнительное изученіе всѣхъ славянскихъ правъ, — вотъ необходимыя условія, которыя могутъ привести къ плодотворному результату (1). Въ заключеніе авторъ самъ сознаетъ, что при такой обширной задачѣ силъ одного дѣятеля недостаточно, — надобно дѣйствовать совокупными трудами многихъ, руководимыми неусыпнымъ прилежаніемъ и здравою критикою (2).

Слишкомъ сорокъ лѣтъ прошло со времени появленія этой брошюры и никто изъ нашихъ юристовъ не откликнулся на призывъ почтеннаго профессора. Гораздо энергичнѣе и важнѣе въ этомъ отношеніи являются труды нашихъ филологовъ. Не говоря уже о множествѣ мимоходныхъ, но въ высшей степени любопытныхъ сближеній и замѣчаній, встрѣчающихся въ изслѣдованіяхъ этихъ ученыхъ и въ особенности — уважаемаго московскаго профессора Ѳ. И. Буслаева, напр. въ сочиненіи его «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ» (М. 1848), можно указать еще на трудъ профессора Котляревскаго «Древности права балтійскихъ славянъ» (3).

Но главными источниками для собиранія данныхъ о нашихъ юридическихъ древностяхъ должны послужить матеріалы, заключающіеся въ напечатанныхъ юридическихъ и историческихъ актахъ и въ сборникахъ народныхъ обычаевъ и поэзіи. Нельзя пройти молчаніемъ и еще одного *живаго* источника: это непосредственное знакомство на мѣстѣ съ народными обычаями. Въ темной народной массѣ преданія, повѣрья и обычаи сохраняются очень долго и переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію въ своемъ первобытномъ видѣ; у народа въ этомъ отношеніи есть свой, неписанный, кодексъ, за который онъ крѣпко держится. Многое изъ этого матеріала записано и стало общимъ достояніемъ, но намъ неизвѣстны попытки къ собиранію именно юридическихъ символовъ, чиселъ, которымъ народъ придаетъ особенное значеніе, и другихъ обычаевъ, входящихъ въ составъ юридическихъ древностей, не смотря на то, что многіе символическіе обряды тѣсно связаны съ обычаями. Между тѣмъ лица, имѣющія столкновеніе съ народомъ, могли бы заняться такимъ собираніемъ и тѣмъ оказать большую услугу наукѣ. Сахаровъ въ своихъ «Сказаніяхъ русскаго народа» обѣщалъ

---

(1) Тамъ же стр. 50.
(2) Тамъ же стр. 90.
(3) Изданъ въ 1874 г., въ Прагѣ.

издать и собранные имъ *символы*, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ этого исполнить ([1]).

Символы, по значенію своему, занимаютъ въ наукѣ о юридическихъ древностяхъ ([2]) первое мѣсто. Вообще символъ (σύμβολον — знакъ, знаменіе) есть представленіе идеи или чувства въ образѣ. Въ юридическомъ быту символъ есть образное представленіе юридическихъ дѣйствій. Разъяснимъ это опредѣленіе. Въ первобытномъ состояніи человѣкъ прибѣгаетъ къ чувственнымъ образамъ для выраженія своихъ мыслей въ правѣ. При заключеніи договоровъ по имуществу, при совершеніи различныхъ сдѣлокъ въ семейной и гражданской жизни, онъ облекаетъ юридическія понятія, служащія основою этихъ явленій, въ предметы видимые, которые болѣе всего поражаютъ его чувства и дѣлаются чрезъ то символами этихъ понятій. Такъ, въ знакъ передачи права владѣнія на землю приносится съ участка кусокъ земли, дернъ или вѣтка; на пашню ставится скамья или на ней разводится огонь, въ знакъ вступленія во владѣніе; мужчина бросаетъ перчатку, женщина развязываетъ поясъ, разуваетъ мужа,—все это выражаетъ подкрѣпленіе законнымъ безповоротнымъ образомъ различныхъ юридическихъ дѣйствій. Маленькая часть замѣняетъ здѣсь цѣлое, жестъ говоритъ, часть одежды выражаетъ желаніе. И до сихъ поръ при совершеніи различныхъ юридическихъ сдѣлокъ и актовъ нашимъ народомъ выполняются дѣйствія, которыя вовсе законъ не требуетъ для силы сдѣлки, но народъ считаетъ ихъ необходимыми. Въ большей части символовъ, отношеніе знака къ предмету дѣйствія можетъ быть точно уяснено, доказано; въ нѣкоторыхъ оно представляется затемненнымъ, непонятнымъ.

Гриммъ подраздѣляетъ символы, бывшіе въ употребленіи у древнихъ германцевъ на три группы: 1) касающіеся передачи земли; 2)—личныхъ отношеній (свободы, брака, усыновленія) и 3)—присяги, обѣта или союза. Эти три категоріи символовъ онъ разсматриваетъ подъ слѣдующими рубриками: земля и дернъ, стебель, вѣтвь, палка, рука и палецъ, ноги, ротъ и носъ, ухо, борода и волоса, шляпа, перчатка, чулки, поясъ, кафтанъ, плащъ, знамя, стрѣла, молотъ, копье, мечъ, крестъ, щепа, (лучина), двери, ключъ, кольцо, монеты, камень, нитка, веревка, повозка,

---

([1]) При занятіяхъ нашихъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, мы обращались за свѣдѣніями по этому предмету къ г. помощнику директора А. Θ. Бычкову, который сообщилъ намъ, что обѣщаннаго труда „о символахъ“ Сахаровъ не издалъ.

([2]) Мы говоримъ здѣсь только о *юридическихъ* символахъ, не касаясь *символистики религіозной*.

плугъ, столъ и стулъ, вода, вино, кровь, соломенное помело. Изъ одного простаго перечисленія этихъ названій уже видно, какая обширная задача была выполнена Гриммомъ по предмету изслѣдованія символовъ, составляющему одну лишь пятую часть того громаднаго матеріала, который долженъ былъ войти, по мнѣнію этого ученаго, въ науку о юридическихъ древностяхъ. Такого порядка было бы можно, полагаемъ мы, держаться и при изложеніи символовъ древняго отечественнаго права, тѣмъ болѣе, что почти всѣ поименованные германскіе символы встрѣчаюся и въ памятникахъ русской старины. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

На символъ *земли и дерна* при передачѣ собственности и владѣнія и при рѣшеніи споровъ о землѣ имѣются указанія въ писцовыхъ книгахъ, данныхъ Сольвычегодскому монастырю на пожни и покосы въ 7133 (1625) году. Въ нихъ, между прочимъ, изложено разбирательство дѣла, по которому Коряжемскаго монастыря служка Олешка Сергѣевъ оспаривалъ землю у крестьянина Балашкина; крѣпостнаго документа на спорную землю ни у одного изъ спорящихся не оказалось и потому отвѣтчикъ далъ истцу Олешкѣ, съ разрѣшенія суда, на душу. «И Олешка, *положа земли себѣ на голову*, отвелъ той пожнѣ межу...» По другому дѣлу о землѣ, помѣщенному въ той же писцовой книгѣ, отвѣтчикъ, монастырскій служка Пронька Михайловъ, «*положа земли на голову*, ту спорную землю обошелъ, и межу имъ впередъ учинили куда шолъ Пронька Михайловъ»... (¹). Древнѣйшее указаніе на употребленіе *дерна* заключается въ славянской рукописи XI в. въ переводѣ твореній св. Григорія Богослова, какъ прибавка къ греческому подлиннику: «дрънь въскроущь на главѣ покладая присягу творить»... (²). Въ купчихъ новгородскихъ XIV и XV столѣтій, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ (³), упоминается, по случаю продажи земель, особенный обрядъ, довершавшій передачу собственности— *заводъ* или *отводъ земли*. Вѣроятно этотъ обрядъ совершался въ прежнее время символически, съ употребленіемъ земли и дерна. На это указываетъ старинное выраженіе, встрѣчающееся въ тѣхъ же документахъ: дать, продать земли или рабовъ въ *дернь*, въ *одерень* (отсюда холопъ *дерноватый*, челядь *дерноватая*, грамоты *дерныя, дерноватыя)*. Со введеніемъ христіанства символическій обрядъ хожденія съ землею замѣнился *хожденіемъ по межамъ, отводомъ земли по Пречистѣй* (т. е. *съ иконою*) (⁴).

(¹) Труды Московск. общества исторіи и древн. Ч. III, кн. 1, 1826 г., статья митрополита Евгенія „о разныхъ родахъ присягъ у Славяно-Руссовъ".

(²) Тамъ же.

(³) Акты юридич. № 7, VI, X, XI, XX, XXV.

(⁴) Улож. царя Алексѣя Мих. гл. X ст. 236 и 237.

Посошковъ въ своемъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» упоминаетъ объ обходѣ межи съ землею *и* иконою. Къ числу доказательствъ при спорахъ о межахъ принадлежитъ обычай сѣчь парнишекъ на межѣ. «Кто на межѣ сѣченъ, тотъ и въ понятые иди», говоритъ пословица. Вообще межа въ глазахъ крестьянъ — святое дѣло. «Безъ межи не собина»; «городьбой не огорожена, а межой обведена»; «и ракитовый кустъ за правду стоитъ.»

Принятіе на *руки* въ древности было символическимъ выраженіемъ согласія на воспитаніе чужаго сына, какъ бы своего собственнаго. Лѣтопись говоритъ: «Вда Рюрикъ Олегу *на руцѣ* сынъ свой Игорь (1)». *Рукобитіе* и *рукоприкладство* въ отдаленное время вѣроятно также служили символами согласія на извѣстныя юридическія дѣйствія. Пословицы «сдать съ рукъ на руки,» «передать поводъ (коня) изъ полы въ полу» указываютъ на символическіе обряды при заключеніи договора купли.

Снять обувь съ *ноги* мужа, былъ древній символическій обычай, по которому новобрачная должна была разувать своего мужа въ первую ночь въ знакъ покорности. «Не хощу розути робичича,» сказала Рогнѣда отцу своему Рогволоду, когда онъ предлагалъ ей Владиміра (2). Обычай этотъ, не смотря на свою глубокую древность, сохранился у простаго народа и до сего времени; причемъ въ сапогъ новобрачнаго кладется серебряная монета, которую получаетъ молодая по снятіи сапога.

Палка—во многихъ случаяхъ означала символъ власти. «Кто палку взялъ, тотъ и капралъ,» говоритъ пословица. Сельскіе старосты, отправляясь на сходъ, до сихъ поръ считаютъ необходимымъ взять въ руки палку въ видѣ посоха, хотя законъ, кромѣ значковъ на груди, не установилъ другихъ внѣшнихъ отличій для старосты. Палка имѣла также у нѣкоторыхъ русскихъ народностей особое символическое значеніе при присягѣ. У чувашъ, если кто не сознавался въ своей винѣ, то зажигали лутошку, вырубленную изъ кереметй и заставляли виновнаго перешагнуть чрезъ нее, произнося: «да буду я также сухъ, какъ эта палка, если говорю неправду.» Затѣмъ, ложась на землю, онъ долженъ былъ ее поцѣловать, выпить стаканъ вина или соленой воды и съѣсть кусочекъ посоленаго хлѣба. У черемисовъ былъ такой же обрядъ присяги, называвшійся «по шерти» (испорченное жердь), причемъ палка тщательно очищалась отъ коры и отъ всѣхъ остающихся послѣ нея пятнышекъ для образнаго

(1) Эверсъ, Древн. русск. право, переводъ Платонова, С-пб., 1835 г., стр. 27—28.

(2) Эверсъ 132. Карамзинъ I, 442, примѣч. 421.

выраженія того, что совѣсть у принимающихъ присягу должна быть такою же чистою и бѣлою, какъ приготовленная палка. Принятіе кусковъ хлѣба при присягѣ, по всей вѣроятности, обозначаетъ, что показавшій противъ совѣсти и ложно долженъ будетъ лишиться со временемъ такого важнаго продукта какъ хлѣбъ (1).

Согласно древне - нѣмецкому юридическому обычаю, состоявшему въ питьѣ вина при покупкѣ: *Litkouf*, и у насъ на Руси былъ такой же символъ, который существуетъ и до сихъ поръ; и теперь есть обычай *«спрыскивать виномъ»* покупку и все новое. Этотъ обычай, кажется, носитъ схожее съ нѣмецкимъ названіе «литки». При сватовствѣ питье *вина* и до сихъ поръ имѣетъ у крестьянъ юридическое значеніе, на что указываютъ пословицы: «Запитая дочь — необвѣнчанная; мы сказали — не завязали. Пропитая дочь — не своя, чужая (2).»

При договорахъ, условіяхъ, при передачѣ употреблялся также символъ *соломы* (3). Съ этимъ символомъ вѣроятно стоитъ въ связи старинный обычай стлать постель новобрачнымъ на ржаныхъ снопахъ: «А постели стлати кому довелось, по обычаю, въ сѣнникѣ на ржаныхъ снопахъ, входя въ сѣнникъ на правой сторонѣ. А постели стлать, какъ завелось изстари и брать ржаныхъ сноповъ тридевять» (Свадьба Василія Іоанновича 1526 г.). Что употребленіе сноповъ на свадьбѣ могло имѣть болѣе опредѣленное и къ этому случаю болѣе примѣнительное значеніе, въ томъ нѣтъ, по мнѣнію Буслаева, никакого сомнѣнія (4).

Употребленіе *кожъ* на свадьбѣ и въ особенности соболиныхъ имѣло также, какъ полагаетъ тотъ же ученый, символическое значеніе. Вотъ какъ предписывалось устроить сѣнникъ на той же свадьбѣ: «По угламъ четыре стрѣлы и на каждой стрѣлѣ по сороку соболей». *Стрѣла* здѣсь также могла имѣть символическое значеніе, въ виду существованія повѣрья въ крылатаго змія, опаснаго для молодыхъ въ первую ночь ихъ брака. Ступить съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ на бычачью *кожу* значило заключить неразрывный союзъ дружбы и братства. Гаданія и заклинанія до

---

(1) Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанск. губ. Риттиха, 1870 г., стр. 70 и 71. Вятск. губ. Вѣд. 1851 г., № 38, 1867 г. № 4. Бытъ черемисъ Уржумскаго уѣзда. Календарь Вятск. губ. 1880 г., 56 стр. „Обряды во время присяги у язычниковъ."

(2) Буслаевъ, О вліяніи христіанства, 204.

(3) Архивъ Калачова кн. I, изд. 2, 1876 г., С-пб. Статья Буслаева: „дополн. и прибавл. ко 2-му тому Сказаній русск. народа, собран. Сахаровымъ, стр. 6— 8.

(4) Тамъ же.

позднѣйшаго времени совершались на бычачей *кожѣ* и медвѣжьей шкурѣ [1].

Изъ этихъ даже немногихъ примѣровъ можно видѣть, что въ нашихъ отечественныхъ источникахъ содержится не мало указаній на русскіе юридическіе символы. — Цѣль нашей настоящей замѣтки была лишь напомнить о забытой наукѣ, какою представляется до сихъ поръ любопытная наука о русскихъ юридическихъ древностяхъ вообще и о символахъ въ особенности.

30 января 1880 г.

---

(1) Тамъ же.

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Археологическаго Инстититута». Книга четвертая.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

